

НОВЕНЬКАЯ

для 3

ДЕКАНОВ

МАГИССА

Магисса –
Новенькая для Трех Деканов

«Литнет»

2025

– М.

Новенькая для Трех Деканов / М. – — «Литнет», 2025

ОЧЕНЬ ОТКРОВЕННО!! Подпишись, чтобы не пропустить новинки!

♥#Это был какой-то безумный, первобытный танец. Мою одежду срывали клочьями, их одежда тоже летела на пол. Я оказалась нагой, распростертой на огромном дубовом столе, среди разбросанных бумаг и дорогих канцелярских принадлежностей. И они были вокруг меня. Три сильных, обнаженных мужских тела. Три горячих декана...

© – М., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Глава 1

Марина

Гранитные ступени под моими новыми, чуть жестковатыми лодочками казались холодными даже сквозь тонкую подошву.

Я замерла перед главным зданием Университета N, запрокинув голову. Монументальный, подавляющий своей тяжеловесной красотой сталинский ампир – колонны, взмывающие к хмурому утреннему небу, огромные, слепые окна, герб с лавровыми венками над массивным входом.

Храм Науки. Или лабиринт, в котором так легко потеряться?

Глубокий вдох наполнил легкие прохладным сентябрьским воздухом, но не смог унять трепет, который поселился где-то под ложечкой и отдавался частым стуком сердца в ушах.

Я здесь. Марина Ростова, двадцатипятилетняя вчерашняя аспирантка, теперь – преподавательница литературы в одном из лучших университетов страны. Головокружительный шанс. И пугающая ответственность.

Я нервно поправила строгий, но идеально сидящий брючный костюм цвета мокрого асфальта. Ткань приятно холодила кожу, но под ней я ощущала собственное тело – напряженное, как натянутая струна.

Грудь под шелковой блузкой вздымалась чуть чаще обычного, кончики пальцев, сжимавших папку с документами, были влажными. Нужно быть собранной, профессиональной, безупречной. Но предательское волнение разливалось теплом по венам, заставляя щеки слегка гореть.

Внутри университет встретил меня гулками коридорами, высокими сводами и запахом вечности – смесью пыльных книг, воска для паркета и чего-то еще, неуловимого, пронзительно-интеллектуального.

Мраморные плиты пола отражали скудный утренний свет, портреты суровых академиков в тяжелых рамах взирали со стен с немим укором или снисходительным любопытством. Студенты – шумные, беззаботные – проносились мимо, не замечая меня, затерянную в этом гулком лабиринте.

Кабинет проректора оказался оплотом тишины и порядка. Тяжелый дубовый стол, кожаные кресла, тиканье старинных часов на стене. Я сидела на краешке стула, стараясь дышать ровно, когда дверь открылась, и в кабинет вошли они. Три декана. Три столпа этого храма. Три Олимпа, с которых мне предстояло получить благословение... или низвержение.

Первым подошел Михаил Сергеевич Воронцов, декан филологического. Высокий, подтянутый для своих пятидесяти с лишним лет, с гривой густых темных волос, тронутых благородной сединой у висков. Его строгий серый костюм сидел безупречно, подчеркивая широкие плечи и аристократическую осанку.

Но главное – глаза. Умные, чуть усталые, глубоко посаженные, они смотрели сквозь стекла очков в тонкой оправе так пронизательно, что мне показалось, он видит не только строчки моего резюме, но и все мои тайные страхи и надежды.

Рукопожатие было крепким, ладонь – сухой и неожиданно теплой. От этого прикосновения по моей руке пробежал легкий электрический разряд.

Его голос – глубокий, бархатный, с едва заметной хрипотцой – задавал четкие вопросы по диссертации, но взгляд задержался на моих губах на долю секунды дольше, чем требовала вежливость. Я почувствовала, как вспыхнули щеки, и поспешно отвела глаза.

В нем чувствовалась не только мощь интеллекта, но и какая-то скрытая, дремлющая страсть, надежно укрытая под броней академической сдержанности.

Следом, словно яркая комета, ворвался Роман Валерьевич Князев, декан международного факультета. Лет сорок, не больше. Лощеный, энергичный, с улыбкой, способной растопить ледники, и глазами цвета темного шоколада, в которых плясали озорные искорки. Дорогой костюм сидел на нем как влитой, тонкий аромат изысканного парфюма заполнил кабинет.

Он двигался с какой-то хищной, уверенной грацией. Его рукопожатие было легким, но цепким, он чуть склонил голову, заглядывая мне прямо в глаза, и задержал мою ладонь в своей.

«Марина Андреевна? Восхитительно! Вы словно луч солнца в нашем несколько заформализованном царстве», – его голос обволакивал, комплимент прозвучал так естественно, что я невольно улыбнулась, хотя и почувствовала укол тревоги. Его взгляд скользнул по моей фигуре – быстро, оценивающе, но без пошлости, скорее с восхищением знатока. – «Университет – место сложное. Если понадобится любая помощь, не стесняйтесь обращаться. Мои двери всегда открыты... особенно для таких очаровательных коллег».

Он подмигнул, и я снова покраснела, чувствуя себя школьницей под взглядом опытного соблазнителя. От него исходила волна такой самоуверенной, почти животной сексуальности, что воздух вокруг, казалось, заискрился.

И последним, словно нехотя оторвавшись от каких-то своих, неведомых мыслей, подошел Аркадий Львович Соколов, декан философского. Он был полной противоположностью Князеву. Чуть сутулый, с растрепанными каштановыми волосами, в простом темном свитере поверх рубашки.

Но его глаза... Пронзительные, светло-серые, они смотрели так пристально, так глубоко, словно пытались препарировать мою душу. От этого взгляда стало не по себе. Он проигнорировал мою протянутую руку и вместо приветствия резко спросил:

«Ростова... Читали последнюю работу Деррида о деконструкции власти в текстах постмодерна? И что вы думаете о его полемике с Фуко?»

Я растерялась от неожиданности, но быстро собралась и попыталась сформулировать ответ. Он слушал, чуть склонив голову, его взгляд не отрывался от моего лица. Потом он хмыкнул.

«Любопытно. Хотя и предсказуемо. Академическая среда убивает оригинальность мысли», – бросил он и отошел к окну, погружившись в свои размышления.

Я осталась стоять, сбита с толку. Этот человек пугал и интриговал одновременно. В его небрежности, в его резкости, в его отстраненности была какая-то особая, нервная, интеллектуальная привлекательность. Казалось, под этой оболочкой рассеянного гения скрывается вулкан.

Когда я наконец вышла из кабинета проректора, голова шла кругом. Три декана. Три мира. Три совершенно разных типа мужской харизмы, мужской силы.

Воронцов – скала, надежность, скрытый огонь под пеплом лет. Князев – фейерверк, соблазн, опасная игра. Соколов – бездна, вызов, интеллектуальный дурман.

И все они смотрели на меня. Не только как на нового преподавателя. Я чувствовала это каждой клеточкой кожи, которая все еще хранила тепло рукопожатия Воронцова, покаяние от комплимента Князева и почти физическое ощущение от пронзительного взгляда Соколова.

Ладони снова стали влажными. Нужно взять себя в руки. Работа, лекции, студенты – вот что главное. Но где-то в глубине души трепетало новое, опасное предчувствие. Этот лабиринт был гораздо сложнее и запутаннее, чем казалось на первый взгляд. И его Минотавры были чертовски привлекательны.

Глава 2

Михаил Воронцов

Старые часы на каминной полке мерно отсчитывали секунды, их звук тонул в густой тишине моего кабинета, пропахшего пылью тысяч книг и слабым ароматом дорогого табака, который я позволял себе лишь изредка, по вечерам.

За окном университетский двор погружался в лиловые сумерки, но я все еще сидел за своим массивным дубовым столом, глядя на стопку бумаг невидящим взглядом. Мысли мои были далеко – они снова и снова возвращались к ней.

Марина Андреевна Ростова.

Ее появление в нашем несколько замшелом академическом мирке было сродни внезапному порыву весеннего ветра.

Молодость – не та крикливая, самоуверенная, что часто встречается у нынешних аспирантов, а какая-то светлая, одухотворенная. Умные, чуть лукавые глаза цвета горького шоколада, в которых вспыхивали искры азарта во время спора.

Темные, шелковистые волосы, которые она то и дело нетерпеливо откидывала со лба или заправляла за ушко тонкой, изящной рукой. И эта страсть к литературе, настоящая, неподдельная, которая заставляла ее голос дрожать от волнения, когда она говорила о любимых поэтах.

Она была похожа... до боли похожа на мою покойную Катю в молодости. Та же хрупкость, скрывающая стальной стержень, тот же живой ум, та же обезоруживающая искренность. Это сравнение кольнуло сердце старой, непреходящей болью, но и пробудило что-то еще.

Что-то неуместное, неправильное, но такое пьяняще живое. Чувство, которого я не испытывал долгие годы, запершись в своей вдовьей скорлупе, среди книг и воспоминаний.

Я одернул себя. Михаил Сергеевич, вам скоро шестьдесят. Она годится вам в дочери. Ваша подопечная. Вы должны быть ей наставником, опорой, а не... Неважно.

Я решил твердо: только профессиональная помощь, поддержка, ничего больше. Я помогу ей раскрыть ее несомненный талант, оградить от интриг, которыми наш университет, увы, славился. И все.

Но как же трудно было придерживаться этого решения! Я ловил себя на том, что ищу предлог задержать ее после лекций, предложить обсудить новую статью, посоветовать редкую книгу из моей личной библиотеки.

Я приглашал ее в свой кабинет, заваленный фолиантами, где воздух был густым от времени и знаний. Мы пили крепкий черный кофе, и я рассказывал ей о былых временах, о своих учителях, о смешных и грустных историях из университетской жизни. А она слушала, затаив дыхание, ее глаза блестели, и иногда она так заразительно смеялась, что мое старое, зачерствевшее сердце невольно оттаивало.

Я наблюдал за ней украдкой. За тем, как она морщит нос, когда не согласна, как закусывает нижнюю губу, подбирая слова, как легкий румянец заливал ее щеки от моей похвалы.

Я видел ее тонкую шею, когда она склонялась над книгой, изящный изгиб ее спины, плавную линию бедер под строгой юбкой. И мое тело, давно забывшее о желаниях, откликалось на эту невольную близость тугим, ноющим жаром в паху. Я проклинал себя за эти мысли, за эти взгляды, но ничего не мог поделать. Она словно пробуждала меня от долгой спячки.

Однажды вечером мы засиделись допоздна. За окном полил дождь, густой, осенний, его монотонный шум создавал в кабинете удивительно уютную, почти интимную атмосферу.

Мы обсуждали какую-то сложную статью, спорили, и вдруг она, расстроенная моей критикой (хотя я старался быть максимально деликатным), расплакалась. Тихо, беззвучно, просто слезы катились по ее щекам, и она пыталась незаметно их смахнуть.

Я растерялся. Подошел к ней, неловко протянул платок. Она подняла на меня заплаканные, блестящие глаза, в которых плескались обида, усталость и какая-то детская беззащитность. И в этот момент все мои благие намерения, вся моя броня академической сдержанности рухнули.

Я осторожно коснулся ее щеки, стирая мокрую дорожку. Кожа под моими пальцами была нежной, как лепесток розы. Она вздрогнула, но не отстранилась.

Наши взгляды встретились. Время замерло. Воздух между нами загустел, стал почти осязаемым, наполнился невысказанными словами, подавленными желаниями. Я видел в ее расширенных зрачках отражение своего собственного, давно забытого голода. Она тоже чувствовала это. Я был уверен.

Мое лицо медленно приблизилось к ее. Я видел, как дрогнули ее ресницы, как приоткрылись ее губы, словно в ожидании.

Первый поцелуй был почти невесомым, трепетным касанием губ, пробой, вопросом. Она ответила – легким вздохом, едва заметным движением навстречу. И тогда я позволил себе больше.

Мои губы накрыли ее губы – мягкие, податливые, с привкусом слез и чего-то еще, невыразимо сладкого. Поцелуй углублялся, становился долгим, пьянящим, в нем смешались вся моя накопленная нежность, вся моя тоска по женской ласке, вся моя внезапно проснувшаяся страсть.

Я чувствовал, как она отвечает мне – сначала робко, потом все смелее, ее руки легли мне на плечи, пальцы зарылись в волосы на затылке. О Боже, как давно я этого не чувствовал! Как давно я не был так мучительно, так сладостно жив!

Я оторвался от ее губ, тяжело дыша, заглянул ей в глаза. Они были затуманены, в них плескались смещение, желание и что-то еще, похожее на страх.

«Марина... Простите, Марина Андреевна... Я не должен был», – прошептал я, мой голос охрип.

«Михаил Сергеевич...» – она тоже шептала, ее щеки горели. – «Не надо... Не извиняйтесь».

Ее слова были как разрешение, как отпущение грехов. Я снова притянул ее к себе, целуя ее лицо, шею, вдыхая аромат ее волос, такой чистый, свежий, с едва уловимыми цветочными нотками.

Мои руки гладили ее спину, плечи, ощущая ее хрупкость, ее трепет. Она прижималась ко мне всем телом, и я чувствовал, как под тонкой блузкой напряглись ее соски, как быстро бьется ее сердце.

Я подхватил ее на руки – она показалась почти невесомой – и перенес на старый кожаный диван, стоявший в углу кабинета под тусклым светом зеленой лампы. Осторожно опустил ее на мягкие подушки. Она смотрела на меня снизу вверх, ее глаза были огромными, темными, полными ожидания и какого-то странного доверия.

Я опустился рядом, мои пальцы дрожали, когда я начал медленно, пуговицу за пуговицей, расстегивать ее блузку. Под ней оказался простой кружевной бюстгальтер, который едва сдерживал ее высокую, упругую грудь. Я наклонился и поцеловал ложбинку между грудей, потом – сами холмики, чувствуя, как твердеют соски под тонкой тканью. Я расстегнул застежку бюстгальтера, освобождая ее ношу. Она была прекрасна – полная, с темными ареолами и напряженными, как бусины, сосками.

Я припал к одному соску губами, нежно посасывая, лаская языком, чувствуя, как она выгибается подо мной, как тихий стон срывается с ее губ. Ее руки гладили мои волосы, мою спину, ее прикосновения были сначала робкими, потом все увереннее, разжигая во мне огонь.

Я целовал ее плечи, живот, спускаясь все ниже. Расстегнул молнию на ее юбке, стянул ее вместе с тонким бельем. Ее тело было безупречно – гладкая кожа, плавные изгибы бедер, темный, аккуратный треугольник волос внизу живота.

Я опустил на колени перед диваном и поцеловал ее внутреннюю сторону бедра, чувствуя, как она вздрагивает всем телом. Мои губы нашли самое сокровенное – влажные, нежные складки, тугой бугорок клитора.

Я начал ласкать ее языком – медленно, нежно, круговыми движениями, вслушиваясь в ее стоны, которые становились все громче, все откровеннее. Ее пальцы сжимали мои волосы, она извивалась подо мной, ее дыхание стало частым, прерывистым.

«Михаил Сергеевич... пожалуйста...» – прошептала она сквозь стоны, и я понял, что она на грани.

Я поднялся, быстро избавляясь от своей одежды, чувствуя, как мой член, твердый и горячий, пульсирует от желания. Я лег рядом с ней, прижался всем телом, кожа к коже. Она обвила меня ногами, притягивая к себе. Я посмотрел ей в глаза – в них была страсть, мольба, полное доверие.

Я вошел в нее медленно, осторожно, чувствуя, как она принимает меня, ее узкое, горячее лоно обхватило меня плотным, влажным кольцом. Это ощущение было почти забытым, невероятно острым, сводящим с ума.

Я замер на мгновение, давая нам обоим привыкнуть, потом начал двигаться – плавно, неспешно, глубоко. Я не хотел торопиться, я хотел продлить этот момент, запомнить каждое ощущение, каждый ее вздох, каждый стон. Я целовал ее грудь, шею, губы, шептал ей слова нежности, которые рвались из самой глубины моей души.

Она отвечала мне – ее бедра двигались мне навстречу, ее ногти царапали мою спину, ее стоны становились все громче, переходя в тихие вскрики. Я чувствовал, как нарастает напряжение, как приближается развязка. Я ускорил темп, мои движения стали более сильными, более настойчивыми. Я видел, как ее тело выгибается дугой, как ее лицо искажается от экстаза.

Наши оргазмы слились воедино – мощная, захлестывающая волна наслаждения, которая прокатилась по нашим телам, заставив нас замереть, прижавшись друг к другу так сильно, словно мы боялись снова потеряться в этом мире.

Это было не просто физическое удовлетворение. Это было нечто большее – слияние душ, момент абсолютной близости, пронзительной нежности и какого-то горько-сладкого счастья.

Мы лежали так долго, не двигаясь, слушая шум дождя за окном и стук наших сердец. Я гладил ее волосы, ее плечи, вдыхая запах ее кожи, смешанный с запахом нашего секса. Чувство вины никуда не ушло, но сейчас оно было заглушено другим, более сильным чувством – чувством обретения чего-то невероятно важного, хрупкого и драгоценного.

Я поцеловал ее в лоб. «Марина...» – прошептал я. Она подняла на меня свои огромные, темные глаза, в которых все еще стояли слезы – то ли от боли, то ли от счастья.

«Я не знаю, что будет дальше», – сказал я честно. – «Но я... я рад, что это случилось».

Она молча кивнула и прижалась ко мне еще крепче. И в этот момент я понял, что моя тихая, размеренная жизнь закончилась. И что эта молодая женщина, ворвавшаяся в нее так неожиданно, перевернула все с ног на голову. И я был этому чертовски, непростительно рад.

Глава 3

Роман

Марина Ростова... Она была как глоток ледяного шампа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.